

Между ними секунду назад
Было жарко.
А сейчас между ними лежат
Снега Килиманджаро.

«Сплин»

Шеф отправил меня бизнес-классом, решив подсластить пилюлю. Последний месяц командировки следовали одна за другой, и тело, и мозг требовали передышки. Однако накануне вечером, когда я, сидя в гостиничном номере, пыталась справиться с ворохом отчетов, позвонил Борис Петрович и бодро сообщил: возвращение домой отменяется, из пункта «А» я сразу перемещаюсь в пункт «С», времена нынче нелегкие, и терять клиента никак нельзя. С этим я была согласна и вяло молвила:

— Хорошо, — и добавила со вздохом: — на отчет времени катастрофически не хватает, — а он порадовал:

— Поезжай бизнес-классом: и отдохнешь, и с отчетом справишься, — и поспешно отключился, пообещав все необходимые данные сбросить по электронке.

Через двадцать минут я их получила вместе с билетом на поезд. Путь к отступлению был отрезан. Родного дома я не увижу еще дня три. Особенно обидным показался тот факт, что поезд следует как раз через мой город. Смогу поглазеть на него в окно. Настроение с утра дохлое, и бизнес-класс его не

улучшил. Работа есть работа, мне по большому счету все равно, где ею заниматься, а вот об отдыхе, на который намекал шеф, оставалось лишь мечтать.

Я заняла свое место возле окна, удивляясь, что пассажиров в вагоне совсем немного. Тяжелые времена не только у нас, граждане перешли на режим экономии. Поезд тронулся, место рядом со мной так и не заняли, что порадовало. Я открыла ноутбук и занялась отчетом. Подошла проводница, я попросила чаю, вновь погрузилась в работу и не заметила, как пролетело почти три часа. Через полчаса прибудем в Москву. По опыту я знала: большая часть пассажиров выйдет там, а им на смену явятся новые, следующие до моего города или до конечного пункта, куда, к сожалению, теперь направляюсь и я.

Убрав ноутбук, я попросила проводницу на пару часов забыть обо мне и закрыла глаза. Голова шла кругом, работать в таком состоянии — дело зряшное. Не дай бог в Москве кто-то из знакомых подсядет, придется тратить драгоценное время на разговоры. Вот я и торопилась вздремнуть.

И уснула почти мгновенно. В поездах со мной такое бывает редко. Обычно сознание балансирует на грани сна и яви, блуждаешь где-то, но при этом точно знаешь: ты в поезде, до тебя доносятся звуки и чьи-то разговоры, однако осмыслить их ты не успеваешь. А тут я по-настоящему уснула и даже видела сон: я опоздала на поезд, причем каким-то образом оставив в вагоне ноутбук со своими драгоценными отчетами. И бежала по шпалам, размахивая руками, в глупой надежде, что меня заметят и остановятся. Потом появилась дрезина, которой управлял бородатый дядька в телогрейке, и мы рванули за поездом. По дороге дядька рассказывал историю своей

жизни, а я пела «Голубой вагон», дядька взялся мне подпевать, дрезина на скорости вдруг начала заваливаться вправо, и мы полетели под откос...

В этот момент я проснулась и тревожно огляделась, заподозрив, что заорала не только во сне, но и наяву, пугая остальных пассажиров. Вокруг оказались пустые кресла, судя по пейзажу за окном, Москву мы проехали. В вагоне было слишком тихо. Я уже решила, что осталась вообще одна, но тут до меня донесся мужской голос:

— Вот так я узнал, что она мне изменяет. Смешно, правда?

— Надеюсь, вы не обидитесь, если я скажу, что ваша история довольно банальна? Разумеется, от этого она не становится менее трагической, — ответил второй мужчина.

Они сидели на противоположной стороне вагона, нас разделяли два ряда кресел, говорили они, понизив голос и явно не рассчитывая, что кто-то их услышит. Но у меня на редкость хороший слух. В данном случае — к большому сожалению. Подслушивать я не собиралась. Я хотела вздремнуть еще полчаса, но против воли отмечала каждое произнесенное ими слово, что очень мешало расслабиться. А потом разговор вдруг заинтересовал. Хотя какое мне дело до этих двоих и их разговоров? Психологи утверждают, что откровенные беседы в поездах — не редкость, но я с этим столкнулась впервые. Может, в самом деле легче все рассказать незнакомому человеку, с которым ты вскоре простишься и никогда больше не увидишься? Облегчил душу, вышел на перрон — и обо всем забыл. Хотя я бы вряд ли так смогла. Наверное, меня бы сдерживало чувство стыда — не во всех тайнах признаешься. Или еще что-то... Впрочем, у меня

никаких тайн и нет. Очень много работы и полное отсутствие личной жизни. Раньше девицы моего возраста читали любовные романы и надеялись на встречу с принцем. Сейчас пишут в соцсетях и тоже надеются... Хотя я мечты о принце уже оставила (или нет?) и согласна на обычного парня без особых проблем и с покладистым характером. По мнению моей мамы, только такой меня и будет терпеть.

Размышления отвлекли меня на некоторое время, между тем один из мужчин задал вопрос:

— И что теперь делать?

— Простить, — ответил второй.

Видеть его я не могла, но была уверена, что он пожал плечами.

— Простить? — с усмешкой переспросил первый. — Боюсь, не получится. Я ее слишком любил. Я был в ней уверен на все сто процентов. Хотя с какой стати, собственно? Сам себе нарисовал картинку: мы с моей Никой в горе и в радости... Она не предаст и всегда будет рядом... Я никогда ей не изменял. Даже мысли такой не возникало. Она моя жена, часть меня самого. Как можно предать самого себя? Глупо, да?

— Вовсе нет, — ответил второй, теперь, наверное, покачав головой. — Ваши чувства я разделяю... Просто вам досталась не та женщина.

— Наверное. Семь лет, с момента нашей встречи, я знал, что нас в мире двое. Я любил ее, верил и был ей верен. А потом в один день все полетело в тартарары. Она обманщица, шлюха, а я дурак, потому что не понял этого раньше. Не разглядел в ней эту грязь, был ослеплен ее красотой... Или она хорошая актриса?

— Может быть, вы просто хотели от нее чересчур

многого? Она лишь слабая женщина. Вы работаете, а она сидит дома. Возможно, скучает, а тут этот тип... Мужчины, когда хотят добиться своего, бывают очень настойчивы, умело пускают пыль в глаза. Кстати, почему у вас нет детей?

— Наверное, это моя ошибка. Она всегда говорила: не стоит торопиться, проживем немного для себя. И я соглашался. Думаете, будь у нас ребенок, это бы остановило ее?

— Не факт. Не терзайтесь так. Вы ни в чем не виноваты... Почему бы вам с ней не поговорить? Вдруг боль уйдет, если вы скажете жене, что знаете о ее измене?

— Первую неделю после своего открытия я собирался сделать это. Представлял, как приду и скажу ей: «Ты шлюха, моя милая, собирай вещички и выметайся!»

— Отличная идея, кстати.

— Ага. Она рыдает, умоляет ее простить. Вдруг я не выдержу и соглашусь? И буду потом изо дня в день мучиться.

— Почему же мучиться?

— Потому что я ее ненавижу! Она сломала мою жизнь, понимаете? Уничтожила ее. Теперь я ни одной женщине не поверю.

— Тогда она вряд ли сможет уговорить вас ее простить.

— А если сможет? Я ведь так любил ее... Вдруг и сейчас все еще люблю? Люблю и ненавижу. Разве так не бывает?

— Наверное, бывает.

— Вот-вот. Моя жизнь превратится в ад. А если я выгоню ее, а она лишь рассмеется в ответ? Уйдет к этому типу, заживет счастливо... Разве Ника не

должна быть наказана за свое предательство? На деле же получается, что она в любом случае в выигрыше: прощу я ее — она станет жить как прежде, прогоню — уйдет к своему любовнику, а вся боль достанется мне.

— То есть разводиться вы не намерены?

— Да я понятия не имею, что делать.

— Возможно, есть причина, которая удерживает вас от развода?

— Вы имеете в виду деньги? У нас брачный договор. Покойный отец настоял. Моя будущая супруга даже обиделась, когда он это предложил. Сказала, что не пойдет за меня замуж. Я, конечно, принял ее сторону, какой договор, когда мы любим друг друга! Но отец стоял на своем: если не будет договора, он лишит меня наследства. Вполне, кстати, приличного. Я готов был от всего отказаться ради своей любви, но невеста, поразмыслив, решила: пусть будет договор. Наверное, мне бы уже тогда задуматься, может, она не так наивна и чиста, как хочет казаться?

— И что записано в вашем брачном договоре?

— Если я уличу ее в измене, она не получит ни копейки, а если она меня — огребет семьдесят процентов всего, что я имею. Она предложила пятьдесят, но я настоял на семидесяти. Да хоть все сто, изменять я ей не собирался.

— Отлично. По крайней мере, она не будет жить со своим любовником на ваши деньги, над вами же и посмеиваясь.

— Деньги для меня никогда не были главным. Счастливую жизнь на них не купишь. Не купишь любовь, верность, душевное спокойствие.

— И что, по-вашему, вам может его вернуть? Я имею в виду душевное спокойствие?

— Понятия не имею. Глушу снотворное, чтобы уснуть хотя бы под утро... Не удивлюсь, если единственным выходом в какой-то момент покажется самоубийство. Стыдно признаться, мысль об этом уже приходила в голову.

— Бросьте. Лишить себя жизни из-за бабы, которая даже не поняла, какой счастливый билет вытаскала, встретившись с вами? Только подумайте: ей останутся все ваши деньги, она будет их тратить со своим любовником, радуясь, что вы облегчили ей жизнь своим уходом. Или вы всерьез рассчитываете: она придет в ужас от своего предательства и, оплакивая вас, скроется от мира в монастыре?

— Сомневаюсь. У нее слишком сильна тяга к мирскому. Тряпки, машины, салоны красоты... Господи, но ведь должен быть какой-то выход! — воскликнул мужчина в отчаянии.

Его собеседник некоторое время молчал.

— А вы не думали о том, чтобы убить жену? — вдруг спросил он.

— Конечно, думал, — фыркнул первый мужчина. — Представлял это во всей красе. Тешил себя иллюзией, так сказать.

— Почему же иллюзией? — удивился второй.

— В каком смысле «почему»? — растерялся первый. — Не могу же я в самом деле ее убить?

— Еще как можете. Что вас страшит: тюрьма или возможные муки совести?

— Никаких мук совести! Моя жена получила бы по заслугам.

— Значит, тюрьма? А если я помогу вам счастливо ее избежать?

— Вы?

— Я. Уверяю вас, это будет не так уж трудно.

— Подождите, вы серьезно?

— Более чем.

— Но... зачем это вам?

— В моей жизни тоже была женщина, которая с большой изобретательностью эту самую жизнь отравила. В отличие от вас, я еще и денег лишился. Иногда мы встречаемся, и я всякий раз сожалею, что не убил ее. Не было рядом человека, согласившегося помочь. А у вас он есть. Считайте это мстью всех преданных когда-то мужчин.

— Вы ведь не всерьез это говорите? — в голосе первого собеседника было сомнение того самого свойства, когда оно борется в человеке с большой надеждой.

— Я говорю абсолютно серьезно. Давайте уьем вашу жену. Вам станет легче. И мне, надеюсь, тоже. И не сомневайтесь, в моем поступке нет никакого подвоха, я не попрошу об ответной услуге, ибо моя печальная история уже быльем поросла. И шантажировать вас я не смогу, раз уж приму в убийстве активное участие. Через десять минут ваша остановка, поэтому буду краток. Вот номер моего мобильного, если решите позвонить, воспользуйтесь телефоном-автоматом, чтобы нашу связь невозможно было проследить. Никто не должен знать, что мы знакомы...

В этот момент появилась проводница.

— Через несколько минут прибываем, — сказала она, а я, пока девушка отвлекала их внимание, чуть приподнявшись, взглянула на мужчин. Появилось искушение их сфотографировать, но я не рискнула. Вдруг все-таки заметят? Зато постаралась их как следует рассмотреть.

Один из них поднялся, достал с полки портфель. Мужчине лет тридцать, одет в дорогой костюм.

Часы, наверное, золотые, рубашка с запонками — явный анахронизм. Симпатичный. Блондин, волосы зачесаны назад. Светлые глаза, красивый рот.

Поезд начал притормаживать. Блондин протянул руку своему соседу.

— Всего доброго, — сказал тот.

— А знаете, я вам позвоню, — со смешком произнес блондин.

— Буду ждать, — ответ прозвучал весьма серьезно.

Второго я рассмотрела не так хорошо, он сидел возле окна, но, прощаясь с блондином, поднялся. Выглядел старше своего собеседника, но ненамного. Волосы темные, резкие черты лица, недельная щетина... На нем был пиджак и бледно-розовая рубашка с каким-то затейливым рисунком. Если первый выглядел типичным бизнесменом, который, может, и интересуется модой, но все равно весьма консервативен, то второй, скорее, походил на человека свободной профессии. Но, безусловно, не бедного. Может, продюсер? Или даже актер? Или писатель? Почему бы и нет? Говорят, писатели так погружаются в работу, что зачастую путают свои фантазии с реальностью. Вдруг и этот решил «обкатать» очередной сюжет, вот и выступил в роли одного из своих персонажей. Смоделировал, так сказать, ситуацию?

Блондин, кивнув на прощание, запешил к выходу, поезд стоит здесь две минуты. Очень скоро я вновь его увидела, уже на перроне. Он направлялся к зданию вокзала в сопровождении мужчины лет сорока. Портфель блондина теперь нес он, и я решила, что это, видимо, водитель — встретил шефа, чтобы отвезти домой. Многие наши бизнесмены при поездках в Москву предпочитают автомобилю скоростные поезда, виной тому постоянные проб-

ки, которые уже год испытывают терпение граждан из-за ремонта двух мостов на трассе.

Водитель что-то говорил, а блондин кивал, но, судя по выражению лица, был погружен в размышления. Должно быть, недавний разговор произвел на него впечатление. Идет и думает о том, как жену укокошить? Ничего себе... Этот тип живет в моем городе. Странно, что раньше я его не встречала. Впрочем, почему странно? Полмиллиона жителей — это немало, и я далеко не обо всех бизнесменах слышала и уж точно не всех видела. Жаль, что нельзя узнать фамилию, заглянула бы в Интернет...

— Вам что-нибудь принести? — проводница обращалась к брютету, оставшемуся в одиночестве.

— Нет, спасибо, — ответил он и весело добавил: — Похоже, попутчиков у меня уже не будет.

— Это точно, дальше без остановок.

— Непривычно малолюдно у вас сегодня.

— Да уж. Такое случается. Слава богу, нечасто.

— Надо и вам иногда отдохнуть.

— Если вам что-то понадобится... — Она направилась в мою сторону, а я прикинулась спящей, чтобы ей не вздумалось обратиться ко мне. Вряд ли мужчина, увидев меня, непременно решит, что я слышала их разговор. Но на всякий случай я нацепила наушники — вдруг он отправится в туалет и меня увидит. Вот этого очень не хотелось, я имею в виду не хотелось, чтобы увидел. Я что, всерьез решила, будто они замышляют убийство? Чуть. Такого не бывает. Ага, все люди братья и жизнь у себе подобных отнимают лишь по неосторожности. На самом деле убивают, и, к сожалению, довольно часто. Иногда по весьма дурацкому поводу, а тут измена, разбитая жизнь... Жену блондина зовут Ника, надо запомнить. Дело за

малым: узнать, кто из наших бизнесменов женат на женщине с таким именем. Не скажешь, что задача из простых. Ника — это просто Ника или производное, например, от Вероники? Да и с блондином не все ясно. То, что он вышел на этой остановке, еще ни о чем не говорит. Допустим, приехал в командировку. Я-то вот мимо своего дома проскочила на всех парах. В переносном смысле, само собой, — дом из окна поезда не увидишь. И слава богу, не то бы, наверное, разревелась от досады. Мысли заметались между родным диваном, на котором очень хотелось немедленно вытянуться, предварительно приняв ванну, и все тем же блондином, безмянным, но с женой Никой, которую он намерен убить. Тешить себя мечтами об убийстве изменницы — еще не преступление. Но брюнет предлагал свою помощь вполне серьезно. Или все-таки дурака валял? Блондин ему точно поверил. Надеюсь, оба уже завтра забудут друг друга... А если нет? И женщину в самом деле убьют? Они интеллигентные люди... А убивают обычно дегенераты с выступающими надбровными дугами?

Минут через пятнадцать я рискнула подняться и направилась в туалет. Брюнет вроде бы дремал. Так и подмывало его сфотографировать. Но риск был велик. Если он это заметит, то непременно заподозрит: их разговор я слышала, с какой еще стати мне оставлять на память его портрет?

Вернувшись из туалета и еще немного поразмышляв, я все-таки полезла за смартфоном. Принялась «щелкать» пейзаж за окном и брюнета сфотографировала. Он то ли действительно этого не заметил, то ли хитрил. Мысль о его предполагаемой хитрости свидетельствовала о том, что к болтовне двух мужчин я отнеслась исключительно серьезно.

Брюнет так и сидел с закрытыми глазами до конечной станции, практически не меняя позы, лишь за полчаса до прибытия попросил кофе. Получив его, немного поболтал с проводницей. Чувствовалось, что девушке он нравится. Почему бы и нет? Он, кстати, симпатичный, и на лбу у него не написано: потенциальный убийца. Похоже, в предполагаемом злодействе я уверилась на все сто процентов, потому что решила за брюнетом проследить.

Поезд начал торможение, брюнет направился к выходу, и я за ним, на всякий случай устроив возню со смартфоном в надежде, что он не разглядит мою физиономию. Впрочем, не похоже, чтобы я его заинтересовала, мужчина продолжал болтать с проводницей, которая готовилась открыть дверь.

Состав замер, дверь распахнулась, брюнет уверенной походкой зашагал по перрону. Никто его не встречал. А вот меня ждал сюрприз: девушка с листом бумаги в руках, на котором значились мои имя и фамилия.

— Валерия Владимировна! — шагнула она мне навстречу. Только я решила восхититься ее прозорливостью, как вспомнила: в вагоне больше никого нет. — Меня зовут Татьяна. Я вас в гостиницу отвезу.

Забота шефа не знала границ, я сочла это невероятной удачей.

— Отлично, — кивнула я, стараясь не потерять в толпе брюнета. Его затылок пару раз мелькнул впереди, я заторопилась. — Идемте.

Девушка непременно хотела нести мою сумку, на дурацкие пререкания ушли драгоценные секунды. Сунув ей в руки свой багаж, я понеслась к зданию вокзала, боясь упустить брюнета и одновременно пытаюсь придумать, как объясню Татьяне свой

внезапный интерес к попутчику. Любовь с первого взгляда? Любопытно, это нанесет урон моему имиджу? Разговоров по этому поводу точно будет предостаточно. Ну и пусть...

Мы достигли дверей вокзала, сердце мое тревожно екнуло: брюнета нигде не видно. На площадь можно попасть, воспользовавшись проходом через улицу, тем, что в арке направо. Так куда идти — прямо через здание вокзала или свернуть?

— Машина на парковке, — сказала Татьяна, слегка запыхавшись, и свернула к арке.

Я продолжала вертеть головой в поисках брюнета. Мы вышли на площадь, но и здесь его не было. В машину садиться я не спешила, вторично вызвав недоумение девушки. То несусь как угорелая, то замираю соляным столбом.

— Извините, — промямлила я. — Хочу журнал купить... — И направилась к киоску Роспечати, он находился довольно далеко, это позволило еще раз осмотреть площадь. Я надеялась, что брюнет вот-вот появится из здания вокзала, но он точно сквозь землю провалился.

Купив журнал, я вернулась к машине. Мысленно чертыхаясь и испытывая жгучее разочарование, я наконец села на заднее сиденье и со вздохом произнесла:

— Поехали.

До самой гостиницы я неутомимо пялилась в окно в тщетной надежде увидеть знакомое лицо среди прохожих или в проезжающей мимо машине, но звезды были против, и я только что не разревелась с досады.

В свой номер я заглянула лишь на несколько минут, после чего мы с Татьяной отправились ужинать.

Я по-прежнему вертела головой и замирала, увидев очередного брюнета. Разумеется, ожидать, что мужчина вдруг появится, было совсем уж глупо. Моя досада росла, а надежда таяла на глазах.

После ужина я еще примерно час болталась по улицам, вместо того чтобы заняться отчетом. Татьяне я это объяснила просто: разболелась голова, вот и хочу прогуляться.

Вернувшись в номер, я засела за работу и понемногу отвлеклась от навязчивых мыслей, зато во сне преследовала убийцу. Утром сон я помнила смутно, однако тревожное чувство осталось.

Дома я оказалась только через три дня, к тому моменту понемногу успокоившись. В каждого встречного не вглядывалась, по городу не носилась, но вместо этого при первой возможности заглядывала в Интернет в надежде обнаружить среди наших бизнесменов того самого блондина. Результатом похвастаться не могла, вот и решила позвонить Элке.

С Элкой мы дружили с детства, девицей она была на редкость любопытной, с годами эта черта лишь усилилась, оттого я и решила: Элка — моя последняя надежда. Подруга, судя по всему, куда-то неслась и изрядно запыхалась.

— Привет, — произнесла она в ответ в два раза громче, чем требовалось. — Куда пропала?

— Работы завались, — пожаловалась я.

— Это хорошо или плохо?

— Наверное, хорошо. Давай встретимся. Дело есть.

— Какое? — заинтересовалась Элка.

— Встретимся, расскажу.

Ее обычное любопытство привело к тому, что

встретились мы в тот же день, в мой обеденный перерыв. Перекусили, выпили кофе, подружка нетерпеливо ерзала, поглядывая на меня, а я, напустив в глаза легкой грусти, сказала:

— Нужна твоя помощь.

— А чего случилось-то?

Рассказывать все, как есть, я не планировала, памятуя о том, что моя подруга — журналистка и жажда очередной сенсации может завести ее очень далеко, оттого заранее заготовила сентиментальную версию своей истории.

— Понимаешь, — начала заунывно, — я познакомилась с парнем... Точнее, мы вовсе не познакомились... В общем, на днях, возвращаясь из командировки, разговорилась с попутчиком, — я улыбнулась и пожала плечами.

Элка кивнула, подождала немного и, ничего не дождавшись, спросила:

— Ну?

— Чего «ну»? Понравился он мне.

— Хорошо. А... так ты узнать о нем чего-то хочешь? — сообразила она. — Не женат ли и все такое?

— Было бы здорово.

— Давай попробуем. Ты что, влюбилась? — расплылась в улыбке подруга.

— Это сильно сказано, но... в общем, хотелось бы встретиться. А для начала узнать, кто он такой.

— Погоди, — нахмурилась Элка. — Я не очень понимаю...

— Чего тут понимать? Это он мне понравился, а не я ему. Свидания он не назначал, номер мобильного не просил и даже имя не назвал.

— Ну ты даешь! — покачала головой подружка. — Как же мы его искать-то будем?